Н. М. Петровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

XI.

Къ исторіи книги К. С. Аксакова „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка".

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ (ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., 12).
1917.

Н. М. Петровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

XI.

Къ исторіи книги К. С. Аксакова „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ (ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., 12).
1917.

Напечатано по распоряженію Академіи Наукъ. Май 1917 г.
Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, т. XXII (1917 г.), кн. 1-я.

Библіографическія мелочи.

XI.

Къ исторіи книги К. С. Аксакова „Ломоносовъ въ исторіи русской литтературы и русскаго языка“.

Разсказывая исторію магистерскаго диспута К. С. Аксакова, Н. П. Барсуковъ[1]) обнародовалъ между прочимъ отрывокъ изъ письма попечителя московскаго учебнаго округа, гр. С. Г. Строганова, къ министру народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уварову (отъ 3 января 1847 г.), касающійся диссертаціи К. С. Аксакова — «Ломоносовъ въ исторіи русской литтературы и русскаго языка». Разсматривая печатный экземпляръ этой книги (Москва, 1846, 8⁰, 517 + 4 неп. [«Положенія»] стр.), гр. Строгановъ нашелъ въ ней «многія мысли и выраженія, отъ страницы 44 до 60, весьма рѣзкія и неприличныя, относящіяся до Петра Великаго и политическихъ его преобразованій». Заявленныя здѣсь сужденія московскій попечитель призналъ «съ своей стороны вовсе неумѣстными и непозволительными въ диссертаціи, назначенной для публичнаго диспута; почему и предписалъ Ректору Московскаго Университета, пріостановивъ продажу оной, подвергнуть ее новой цензурѣ Декана 1-го Отдѣленія Филологическаго Факультета и выпустить при этомъ весь отдѣлъ, заключающійся отъ 44 до 60 страницы, а также предложилъ и здѣшнему [т. е. московскому.

---

1) Жизнь и труды М. П. Погодина, VIII, 342—345. Ср. въ книгѣ г. С. А. Венгерова «Передовой боецъ славянофильства. Константинъ Аксаковъ» (С. А. Венгеровъ. Собраніе сочиненій. Т. III, стр. 51—53).

Н. П.] Цензурному Комитету, чтобы ни въ одномъ изъ выходящихъ въ Москвѣ повременныхъ изданій не дозволять никакихъ разборовъ помянутаго сочиненія». Далѣе Строгановъ выражалъ увѣренность, что и въ Петербургѣ слѣдуетъ принять подобныя мѣры противъ журнальныхъ рецензій. Гр. Уваровъ вѣроятно внялъ голосу своего ближайшаго подчиненнаго; по крайней мѣрѣ въ «Источникахъ словаря русскихъ писателей» г. Венгерова среди отзывовъ (I, 27) объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ К. С. Аксакова не указано ни одной своевременной рецензіи на книгу о Ломоносовѣ, хотя казалось бы, что первая крупная монографія о такомъ дѣятелѣ должна была привлечь вниманіе журналистовъ. Несмотря на приведенный отзывъ гр. Строганова, не понравившаяся ему диссертація была публично защищена авторомъ 6 марта 1847 г.. О судьбѣ же забракованныхъ страницъ пока ничего неизвѣстно[1]). Всматриваясь ближе въ типографскую сторону книги[2]), можно подмѣтить въ первыхъ четырехъ листахъ ея (стр. 1—64) какъ будто слѣды перепечатки нѣсколькихъ страницъ. Мѣстами встрѣчаются (ср. стрр. 35, 36, 37, 40, 44, 45, 46, 51, 54, 56, 60, 61, 62, 63, 64) какіе то странные по внѣшности пробѣлы между абзацами, бо́льшіе, нежели обычные; въ остальной части книги (стр. 65 и слѣдд.) ничего подобнаго нѣтъ. Не воспроизведены эти пробѣлы и во второмъ изданіи диссертаціи[3]), гдѣ о цензурной исторіи книги «Ломоносовъ въ исторіи русской литтературы и русскаго языка» вовсе не упомянуто, хотя издатель, И. С. Аксаковъ, какъ извѣстно, съ особой страстностью всегда обличалъ нелѣпости нашей цензуры «добраго стараго времени». По первоначальному плану «Полнаго собранія сочиненій К. С. Аксакова», во II и III томы его должны были войти политическія, критическія и беллетристическія произведенія, тогда какъ для трудовъ филологическихъ отводились томы IV и V (ср. въ I томѣ стр. VII или во II стр. V), но «Разныя обстоятельства», какъ

---

1) Г. Венгеровъ (op. cit., pag. 52) выражается такъ: «...Константинъ Сергѣевичъ защищалъ очищенную отъ скверны диссертацію свою», но въ чемъ заключалось очищеніе отъ скверны, не сообщаетъ.

2) Мнѣ доступны три экземпляра ея.

3) Полное собраніе сочиненій Константина Сергѣевича Аксакова. Томъ II, Москва, 1875, стр. 23—388.

писалъ И. С. Аксаковъ въ предисловіи ко II тому (стр. V), «заставили измѣнить этотъ порядокъ и предпослать филологію публицистикѣ и поэзіи». «При существующихъ у насъ», читаемъ далѣе, «цензурныхъ условіяхъ, *полное* изданіе сочиненій Константина Сергѣевича, по отдѣлу публицистики и художественному, еще невозможно покуда — безъ тѣхъ урѣзокъ и передѣлокъ «рукою властною», которыхъ мы конечно съ своей стороны допустить не желаемъ, да не имѣемъ на то и права. Напротивъ того: не говоря уже о произведеніяхъ, еще ни разу въ печати не появлявшихся, мы даже и тѣ статьи, которыя уже были напечатаны при жизни самого автора, питаемъ умыселъ издать въ ихъ настоящемъ видѣ, какъ онѣ были написаны и сохранились въ рукописи, безъ вставокъ и присочиненій, цензурою вынужденныхъ. Время для этого еще не настало, но филологія, къ счастію, обрѣтается въ Россіи уже и теперь въ болѣе выгодномъ положеніи». Эти слова даютъ поводъ предположить, что диссертація о Ломоносовѣ переиздана здѣсь (по рукописи или по первоначальному печатному тексту?) безъ измѣненій, вынужденныхъ гр. Строгановымъ. Сличеніе указанной выше части книги 1846 г. съ изданіемъ 1875 года подтверждаетъ такую мысль. Начало книги перепечатано съ очень незначительными варіантами, повидимому чисто корректурнаго происхожденія (есть кое-гдѣ и перестановка словъ; въ двухъ мѣстахъ пропущено по одному короткому слову, въ двухъ мѣстахъ прибавлено и т. п.). Если бы явилась необходимость въ новомъ изданіи книги «Ломоносовъ въ исторіи русской литтературы и русскаго языка», то слѣдовало бы все же обратиться къ editio princeps.

Несомнѣнно цензурные варіанты находятся въ тѣхъ мѣстахъ перепечатки, которыя соотвѣтствуютъ стр. 57—61 перваго изданія. Вотъ перечень ихъ:

Изданіе 1846 г.	*Изданіе 1875 г.*
Простой народъ, для насъ, повторимъ, представляетъ отвлеченную Русскую субстанцію; на немъ отрицаніе обозначилось его молчаніемъ, его оторванностью, — его	Простой народъ для насъ, повторимъ, представляетъ отвлеченную Русскую субстанцію; на немъ отрицаніе обозначилось его молчаніемъ, его оторванностью,—его от-

Изданіе 1846 г.

отвлеченіемъ. Естественно, что Петръ... *[стр. 57]*.

Такъ и случилось. Но понятно, что новая столица была только положенный временный центръ, на время періода отрицанія... *[стр. 57—58]*.

Изданіе 1875 г.

влеченіемъ. Все то, что управляло, дѣйствовало, жило, выражало народъ, все то стало отъ него оторвано, отдѣлено пропастью; ему дано было чуждое опредѣленіе. Естественно, что Петръ..... *[стр. 67]*.

Такъ и случилось. Петръ уничтожилъ ее [Москву. *Н. П.*] какъ центръ. Чтобы совершить преобразованіе, онъ поставилъ новую столицу, соотвѣтствовавшую отрицательному духу его дѣла, столицу на берегахъ чуждыхъ, не связанную никакими историческими воспоминаніями съ Россіею, не возникшую органически, не выросшую, а сдѣланную по плану, нарочно и поставленную столицею для Россіи; наконецъ, къ довершенію всего, какъ полное послѣдовательное осуществленіе отрицательнаго начала, столицу съ именемъ чуждымъ: Санктпетербургъ. Петербургъ получилъ вполнѣ характеръ этой односторонности отрицанія; онъ вполнѣ плодъ его и плодъ именно его односторонности. И такъ Петръ, уничтоживъ Москву какъ столицу, положилъ новый ложный центръ и насильственно привлекъ туда всѣ силы, все кровообращеніе Россіи. Но понятно, что это былъ только

Изданіе 1846 г.	*Изданіе 1875 г.*
	положенный временный центръ, на время періода отрицанія. . . *[стр. 67—68]*.
Необходимая односторонность его [Петра. *Н. П.*] начала произвела за собою дальнѣйшія послѣдствія. Новая столица ничѣмъ не была привязана къ преданіямъ Россіи, къ ея Исторіи; необходимая въ Исторіи развитія, какъ моментъ, она даже осталась чуждою внутреннему, настоящему духу дѣлъ Петровыхъ. . . *[стр. 58]*.	Необходимая односторонность его начáла произвела за собою дальнѣйшія, сами по себѣ ложныя послѣдствія, достигла до своей крайности. Новая столица ничѣмъ не была привязана къ преданіямъ Россіи, къ ея исторіи; она была всегда и осталась, само собою разумѣется, ей чуждою; необходимая въ исторіи развитія, какъ моментъ, она даже осталась чуждою внутреннему, настоящему духу дѣлъ Петровыхъ. . . *[стр. 68]*.
Такой смыслъ имѣетъ въ общемъ развитіи Петербургскій періодъ. Но если Петербургъ. . . *[стр. 59]*.	Такой смыслъ имѣетъ въ общемъ развитіи Петербургскій періодъ,— самъ по себѣ взятый, періодъ холодный и безжизненный. Петербургъ зачался въ отрицаніи, выражаетъ только одно отрицаніе, и поэтому не имѣетъ никакой жизни: таково его историческое опредѣленіе. Но если Петербургъ. . . . *[стр. 69]*.
Всѣмъ явленіямъ народной жизни возвращаются права... *[стр. 60]*.	Всѣмъ явленіямъ народной жизни возвращаются похищенныя права... *[стр. 69]*.
Народъ былъ освобожденъ отъ сферы національности; поэзія, бывшая вѣрнымъ отраженіемъ его только жизни, не могшая уже быть	Народъ былъ освобожденъ отъ сферы національности; поэзія, бывшая вѣрнымъ отраженіемъ его только жизни, не могшая уже быть

Изданіе 1846 г.	*Изданіе 1875 г.*
тѣмъ, — поэзія немогущая вмѣстѣ съ тѣмъ уже сохранить... *[стр. 61]*.	тѣмъ, — ибо возмутилась и сокрушилась потомъ цѣльная нѣкогда жизнь народа, — поэзія, немогущая вмѣстѣ съ тѣмъ уже сохранить... *[стр. 70]*.

Какъ можно видѣть изъ этихъ сопоставленій, рука цензуры коснулась стр. 57—61 начальнаго изданія, хотя Строгановъ указывалъ на стр. 44—60. Въ экземплярѣ диссертаціи К. С. Аксакова, принадлежавшемъ М. П. Петровскому (1833—1912), вклеены стр. 57—60 съ совершенно инымъ текстомъ, нежели вошедшій въ editio princeps и въ перепечатку 1875 г. Въ томъ, что эти страницы принадлежали именно къ книгѣ «Ломоносовъ въ исторіи русской литтературы и русскаго языка», сомнѣваться нельзя, такъ какъ начало 57-ой и конецъ 60-й страницъ вполнѣ совпадаютъ съ editio princeps этой книги (въ изданіи 1875 года соотвѣтственный текстъ находится на стр. 66—70), но наборъ иной, такъ какъ шпоны у́же (въ изданіи 1846 г. на страницѣ помѣщается 34 строки, тогда какъ здѣсь—43). Такъ какъ въ доступной мнѣ литтературѣ о К. С. Аксаковѣ я не нашелъ указаній на этотъ текстъ, вѣроятно предназначавшійся для замѣны неугодныхъ гр. Строганову страницъ, то воспроизвожу его здѣсь, какъ матеріалъ для критическаго изданія филологическихъ сочиненій «передового бойца славянофильства».

57.

плодотворнаго въ общемъ развитіи, являющагося одностороннимъ только, какъ одинъ, отвлеченно по себѣ взятый моментъ.

Предѣлы нашего разсужденія не позволяютъ намъ разсматривать подробнѣе великій переворотъ Петра. Обратимся къ вопросу литтературному.

Во весь періодъ исключительно-національный пѣлись пѣсни. Мы выше уже говорили объ нихъ, но считаемъ необходимымъ сказать о томъ же еще нѣсколько словъ. — Въ пѣсняхъ своихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается весь народъ. Обратимъ здѣсь наше вниманіе на пѣсни, — не тѣ, гдѣ онъ выражаетъ свое великое всемірное созерцаніе, какъ въ

пѣсняхъ религіозныхъ,—не тѣ также, гдѣ онъ передаетъ свои личныя задушевныя движенія, какъ въ пѣсняхъ частныхъ; но на тѣ, гдѣ онъ созидаетъ отдѣльные образы, подъемля ихъ изъ глубины своей сущности, т. е. пѣсни эпическія или историческія. Здѣсь въ сонмѣ богатырей, въ подвигахъ ихъ, видится и выражается самъ народъ. Великъ и разнообразенъ почтенный сонмъ витязей, собравшійся вокругъ Великаго Князя Кіевскаго Владиміра; всѣ они выражаютъ многія стороны Русскаго духа. Но изъ всѣхъ изъ нихъ, могущественнѣе ихъ всѣхъ, избранникъ народа Русскаго, Илья Муромецъ. Въ немъ преимущественно, общей своей основой, выразился Русской духъ. Онъ одинъ старъ между молодыми; одинъ внѣ всякаго соперничества. Замѣчательно извѣстное каждому Русскому сказаніе, что Илья Муромецъ сидѣлъ сиднемъ 30 лѣтъ. Это указываетъ на существо Русскаго духа, прообразуетъ самый народъ, который тоже, какъ Илья Муромецъ, скопилъ въ періодъ исключительной національности свои силы, и станетъ среди другихъ народовъ, какъ богатырь Илья Муромецъ между другихъ богатырей, далеко перевысивъ ихъ.—Скопилъ онъ страшныя силы, всталъ и понесъ ихъ, но не на обиду и раззореніе другимъ, не на праздное пролитіе крови, но на защиту добра и на пораженіе зла, на миръ и тишину.—Посмотримъ ближе на Илью Муромца, на этотъ образъ Русскаго народа. Во первыхъ онъ крестьянинъ; онъ поднялся со дна Русской земли, откуда бьетъ чистый ключь вѣры и простой жизни. Другіе богатыри, кто знаменитый витязь знатнаго рода, кто родственникъ Владиміра и т. д.; одинъ Илья Муромецъ крестьянинъ, и онъ выше и сильнѣе всѣхъ. Это составляетъ очень важную, основную черту его образа. Нѣтъ въ немъ буйной отваги и удали, какъ въ

58.

другихъ богатыряхъ (далеко ему уступающихъ): онъ спокоенъ и тихъ, и силенъ тихо. Когда нужно только, являетъ онъ свою непреоборимую могучесть. Любопытенъ весь разсказъ о немъ. Пробѣжимъ его вкратцѣ, хотя не весь; отчасти буду я слѣдовать здѣсь тому, какъ удалось самому мнѣ слышать въ дѣтствѣ. Илья Муромецъ родомъ изъ села Карачарова, сынъ крестьянина Ивана Тимоѳеевича, сидѣлъ сиднемъ 30 лѣтъ. Замѣчательно, какъ далась ему сила; —чудомъ, черезъ старцевъ святыхъ,

когда хотѣлъ онъ дать имъ напиться. Вспомнимъ здѣсь, что и церковь наша признаетъ его святымъ.—Почувствовавъ въ себѣ страшную силу и взявъ благословеніе отъ отца и отъ матери, которые кладутъ на него запретъ не проливать крови Христіанскія, запретъ Христіанскій или крестьянскій,—крестьянинъ и Христіанинъ одно слово,—пошелъ Илья въ Кіевъ, къ Князю Владиміру. На дорогѣ попался ему богатырь, тянувшій одинъ бичевой разшиву, по рѣкѣ противъ теченія. Они встрѣтились; богатырь не хотѣлъ дать дороги Ильѣ Муромцу. Илья, не пускаясь съ нимъ въ бой, схватилъ его и кинулъ вверхъ, такъ что онъ, взлетая на воздухъ и падая оттуда, успѣлъ сто разъ сказать: виноватъ Илья Муромецъ, впередъ не буду. Они разошлись. Илья продолжалъ свой путь. Онъ наѣхалъ на разбойниковъ, которые на него напали. Илья остановилъ ихъ; драться съ ними и ссориться не хотѣлъ, а взялъ свой тугой лукъ, наложилъ и пустилъ стрѣлу: стрѣла угодила въ сыръ-кряковистый дубъ, изломала его въ черепья ножевыя; разбойники испугались и пали на колѣна. Илья поѣхалъ далѣе. Извѣстно, какъ онъ на дорогѣ полонилъ Соловья-разбойника, какъ привезъ его ко Князю Владиміру. Въ приведенныхъ нами мѣстахъ видно, что Русской великій богатырь не любитъ проливать крови, и только на пользу употребляетъ дарованную ему отъ Бога силу.—Илья имѣетъ Христіанское значеніе, такъ совпадающее съ его тихою природою; онъ очищаетъ землю отъ язычества; самъ Соловей-разбойникъ имѣетъ этотъ языческій смыслъ. Въ пѣсняхъ говорится, что копье Ильи съ крестомъ. Въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ, напечатанной съ лубочными картинками, говорится о богатырѣ *идолищѣ*, котораго убиваетъ Илья Муромецъ. Мы видимъ еще Илью, освобождающаго Кіевъ отъ Калина-Царя; и тутъ также его долготерпѣніе является во всей силѣ. Онъ не выходитъ сей часъ на бой съ врагами, идетъ къ

59.

Калину-Царю и долго проситъ его, все настоятельнѣе, наконецъ съ угрозами требуетъ, но все долго терпитъ, несмотря даже на то, что его связали, пока наконецъ илюнулъ Калинъ-Царь ему въ ясныя очи,—и кончилось терпѣніе Ильи; онъ вскочилъ въ полдрева стоячаго, разорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ, схватилъ за ноги Татарина и началъ имъ

помахивать и валить на право и на лѣво; махаетъ, а самъ приговариваетъ:

А и крѣпокъ Татаринъ—не ломится,
А и жиловатъ собака—не изорвется.

И здѣсь не видно бѣшенства и изступленія въ Ильѣ. Побивая Татаръ, онъ не тѣмъ увлеченъ и занятъ, что все вокругъ него валится: онъ обращаетъ вниманіе на то и удивляется только тому, что Татаринъ, которымъ онъ бьетъ, не ломится и не рвется. Если тутъ и есть иронія, то самая спокойная иронія, иронія увѣренной въ себѣ силы. Здѣсь въ минуту сраженія въ Ильѣ Муромцѣ является спокойная, никогда не выходящая изъ себя и потому никогда не слабѣющая сила; но это самое и дѣлаетъ непреоборимою все превышающую силу Ильи. Все это очень замѣчательно. Не приводимъ другихъ разсказовъ объ Ильѣ Муромцѣ, которые подтверждаютъ мысли наши объ немъ. Мы считаемъ неумѣстнымъ распространяться здѣсь о томъ болѣе; а то бы мы указали на весь кругъ пѣсенъ Владимірова времени. Мы могли бы указать на то, что есть какая-то цѣлость и связь между собою во всѣхъ этихъ пѣсняхъ. Мы могли бы указать на замѣчательныя слова Ильи Муромца разбойникамъ:

Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
Про стараго казака, Илью Муромца;

на дружбу Ильи съ Добрынею, на нелюбовь послѣдняго къ Алешѣ Поповичу и пр., что́ все существуетъ въ намекахъ только въ нашихъ пѣсняхъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ. Но это оставляемъ мы въ сторонѣ. Разскажу здѣсь одно преданіе, которое самъ я слышалъ въ дѣтствѣ и которое очень замѣчательно.

Въ этомъ сказаніи Илья Муромецъ не сохраняетъ своего непремѣнно-мирнаго и спокойнаго характера; въ немъ является удаль, конечно не чуждая Русскому духу, но болѣе свойственная юношескимъ лѣтамъ; впрочемъ въ этомъ сказаніи онъ на второмъ планѣ. Это сказаніе какъ бы добавленіе къ сказанію объ Ильѣ Муромцѣ, это новая фантазія въ прибавленіе ко всему образу силы, являющемуся въ Ильѣ Муромцѣ. Вотъ это сказаніе. Много на свѣтѣ

60.

богатырей, но есть еще богатырь, страшный и огромный; богатыря этого земля не держитъ; онъ нашелъ на всей землѣ одну только гору, которая

можетъ держать его, и лежитъ на этой горѣ въ бездѣйствіи. Прослышалъ про этого богатыря Илья Муромецъ и пошелъ искать его, чтобы съ нимъ помѣряться. Приходитъ онъ наконецъ къ горѣ; на ней лежитъ огромный богатырь, какъ другая гора. Одной уже громадой своего стана онъ перевышалъ далеко всѣхъ людей. Но Илья Муромецъ не испугался, онъ подходитъ къ нему и со всего размаху, всей своей богатырской силой, поражаетъ его въ ногу. Никакъ я зацѣпился за кустъ, говоритъ богатырь, едва пошевелившись. Илья Муромецъ, у котораго разгорѣлось сердце, вонзаетъ весь свой мечь въ бедро богатыря. Никакъ я задѣлъ за камешекъ, говоритъ богатырь, и потомъ оборотившись, продолжаетъ: А это ты, Илья Муромецъ, здравствуй; я слыхалъ объ тебѣ. За чѣмъ ты пришелъ сюда? Мѣряться со мной силой? Не пробуй. Что тебѣ со мной схватываться? Къ чему? Ты сильнѣй всѣхъ людей въ міру и будь тамъ силенъ и славенъ, а меня оставь; видишь, какой я уродъ; меня земля не подымаетъ; нашелъ себѣ одну гору и лежу на ней; я и самъ не радъ своей силѣ.—Илья Муромецъ послушалъ совѣта и удалился.

Вотъ разсказъ по моему мнѣнію необыкновенно замѣчательный. Образъ этого богатыря, этой страшной бездѣйственной силы, лишенной даже противника,—мрачный, грустный образъ производитъ сильное впечатлѣніе. Передаю разсказъ моимъ читателямъ, какъ я его запомнилъ.—

Во весь періодъ исключительной національности Русскаго народа, поэзія была на степени національныхъ пѣсенъ; всяже духовная жизнь, общее, недоступное тогда народу, таилась въ области языка церковно-Славянскаго. Но этотъ періодъ кончился; исключительное опредѣленіе націи пало, и передъ народомъ открылась новая жизнь; вмѣстѣ съ движеніемъ народа, съ освобожденіемъ его отъ оковъ національности, должна была и поэзія перейдти изъ тѣсной сферы національныхъ пѣсенъ въ другую, высшую, въ сферу литтературы и идя путемъ своего историческаго развитія, въ которомъ она осуществляется, выразить то, что лежитъ въ существѣ ея, что составляетъ развитіе самой поэзіи,—отъ особности перейдти къ единичности. Мы считаемъ ненужными здѣсь дальнѣйшія объясненія, ибо выше было объ этомъ говорено подробнѣе. Но Петръ, уничтоживъ національную сферу и переведя народъ въ

Нѣтъ надобности доказывать, что весь этотъ экскурсъ объ Ильѣ Муромцѣ пришитъ къ разсужденію К. С. Аксакова бѣлыми нитками; рѣчь о русскихъ народныхъ пѣсняхъ была на стр. 37—40 его книги (по editio princeps; въ изданіи 1875 г. стр. 51—54); дальнѣйшія заняты уже обзоромъ русской исторіи, доведенной до выступленія Петра I (стр. 54—56 по editio princeps, стр. 65—66 изданія 1875 г.)—какъ вдругъ авторъ нашелъ, что предѣлы его разсужденія не позволяютъ ему «разсматривать подробнѣе великій переворотъ Петра» и посвятилъ почти четыре страницы совершенно неумѣстнымъ свѣдѣніямъ объ Ильѣ Муромцѣ. Очевидно, онъ имѣлъ въ виду такимъ путемъ заполнить пробѣлъ, возникшій благодаря вмѣшательству гр. Строганова, но повидимому эта попытка оказалась неудачной (припомнимъ отзывы Главнаго управленія цензуры 1853 г., о статьѣ К. С. Аксакова «Богатыри временъ великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ») [1]). Тѣмъ не менѣе, замѣчанія объ Ильѣ Муромцѣ и легенда о встрѣчѣ его съ огромнымъ богатыремъ, не названнымъ здѣсь по имени (Святогоромъ), были использованы авторомъ для его позднѣйшихъ работъ; такъ, богатырь, одинъ тянувшій расшиву бечевой, фигурируетъ и въ статьѣ «Богатыри временъ великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ» [2]); «спокойная иронія» по отношенію къ татарину, послужившему орудіемъ, воспроизводится также въ этой статьѣ въ словахъ «шутка силы», «спокойствіе силы» [3]); сказаніе о (также неназванномъ) Святогорѣ равнымъ образомъ нашло себѣ въ ней мѣсто [4]). Изъ тѣхъ же матеріаловъ была построена К. С. Аксаковымъ и «Замѣтка о значеніи Ильи Муромца» [5]).

---

1) Ср. хотя бы у А. М. Скабичевскаго, Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.), Спб., 1892, стр. 367—368.

2) Ср. Полное собраніе сочиненій Константина Сергѣевича Аксакова, I (1861), 370 (здѣсь этотъ богатырь названъ Зюзей).

3) Тамъ же, 376.

4) Тамъ же, 384.

5) Тамъ же, 409—412.

XII.

Кому принадлежитъ первое лексическое сравненіе санскрита со славянскими языками?

Вопросъ объ авторѣ анонимной статьи «Etymologies slavonnes tirées du Sanscrit» [1]) имѣетъ уже свою исторію. Г. М. Мурко еще въ 1897 году [2]) назвалъ составителя ея русскимъ и замѣтилъ, что «примѣры приводятся „en Slavon", но ясно видно, что они носятъ на себѣ русскую печать». Что касается автора анонимной статьи, г. Мурко высказываетъ слѣдующія соображенія: «Такъ какъ въ оглавленіи отмѣчены статьи русскихъ сотрудниковъ, кавалера [viteza] Италинскаго [3]), I. ф. Клапрота и Зеетцена, а о графѣ Головкинѣ, который упомянутъ среди сотрудниковъ (онъ ранѣе былъ русскимъ императорскимъ посланникомъ), ничего не упомянуто, то мы должны приписать ему авторство первой статьи, сравнивавшей славянскій языкъ съ индійскимъ, какъ догадывался уже объ этомъ А. ф. Михановичъ. . . . [4]). И внутреннія основанія под-

1) Fundgruben des Orients, I (1809), 459—460.

2) Ср. статью «Prvi uporedivači sanskrita sa slovenskim jezicima» — Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti, CXXXII, 103—104.

3) Дѣйствительно, на стр. 236 и 393—397 I тома «Fundgruben» имѣются статьи Италинскаго. Этимъ опровергается указаніе жизнеописанія названнаго лица въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ» (Ибакъ-Ключаревъ, Спб., 1897, стр. 152а), будто «Ученые труды его не напечатаны».

4) Упоминая статью въ «Fundgruben», A. v. Mihanovich («Zusammenstellung von 200 Laut- und Sinnverwandten Wörtern des Sanskrites und Slawischen» — Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst, 1823, № 66—67, стр. 341б*). Михановичъ въ скобкахъ прибавляетъ: «von dem Grafen Golowkin?». Кстати замѣчу, что объ анонимной брошюрѣ «Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe. Présentés à l'Académie Impériale Russe» (Spb., 1811), Михановичъ замѣчаетъ (стр. 341б), что она «dem ausgezeichneten Forscher, Herrn Staatsrath v. Adelung zugeschrieben wird». Эти слова дали г. Мурку поводъ замѣтить (op. cit., 104[2]) о ней: «...кажется, что авторство Аделунга недостовѣрно». Однако въ книгѣ самого Аделунга «Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache», Spb., 1830 (и второе изданіе, подъ заглавіемъ «Bibliotheca Sanscrita. Literatur der Sanskrit-Sprache», Spb., 1837), цитируемой у г. Мурка въ предыдущей сноскѣ на той же страницѣ, читается объ этой брошюрѣ слѣдующее: «Meine Autorschaft an dieser kleinen Schrift ist mir einigemale, und namentlich vor etlichen Jahren in dem Journal Asiatique (III. 313), streitig gemacht worden. Ich gab sie ohne meinen Namen heraus, nicht, weil ich aus irgend einem Grunde Ursache gehabt hätte, mich nicht als ihren Verfasser zu nennen, sondern weil ich den gelehrten Sprachverein, dem sie gewidmet wurde,

тверждаютъ это: оба нѣмецко-русскихъ сотрудника (у которыхъ полное знаніе русскаго языка сомнительно) занимаются темами совершенно иного свойства, и въ краткомъ введеніи также слышится настоящій русскій».

Предположеніе г. Мурка объ авторѣ анонимной статьи показалось не лишеннымъ вѣроятія г. С. К. Буличу, дополнившему его такимъ соображеніемъ: «Очевидно онъ [г. Мурко. *Н. П.*] имѣлъ въ виду Ю. А. Головкина, члена госуд. совѣта, бывшаго посломъ въ Вѣнѣ и Китаѣ и умершаго въ 1846 г.» 1). По мнѣнію г. Булича, авторъ былъ «вѣроятно русскій родомъ»; «изъ 43 сближеній», данныхъ въ этой статьѣ, «34 оказываются удачными, что́ нельзя не признать довольно высокимъ %» 2).

---

veranlassen wollte, die darin geäusserten Ideen ohne alle Rücksicht zu prüfen. Sie wurde deshalb auch nur in einer geringen Anzahl von Exemplaren gedruckt und erschien gar nicht in dem Buchhandel. Bey dem Aufsuchen der Sanskrit-Wörter, zur Vergleichung mit dem Russischen, verdanke ich allerdings Hrn. *Julius Klaproth*, der sich damals zu St. Petersburg aufhielt, mehrere Beiträge, die mir bey den zu jener Zeit (1810) noch sehr wenig zugänglichen und sparsam fliessenden Quellen sehr schätzbar waren, die aber mein Eigenthumsrecht an diesem Schriftchen unmöglich schwächen, oder gar zweifelhaft machen, am wenigsten aber mich in den Verdacht bringen können, als habe ich mir dabey fremdes Verdienst zueignen wollen» (Versuch etc., сноска на стр. 66—67; съ незначительными варіантами въ Bibliotheca Sanscrita, сноска на стр. 80—81). Повидимому, эти слова Аделунга остались неизвѣстными г. С. К. Буличу, который для выясненія авторства «Rapports» etc. ссылается на свидѣтельство современниковъ (Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, I, 635). Съ другой стороны г. Буличъ указалъ (стр. 637—638) на заимствованія Аделунга изъ рукописной статьи генералъ-лейтенанта Н. И. Ахвердова (ср. о ней ibid., 626—629), имѣющія характеръ плагіата, такъ что если Аделунгъ и былъ правъ относительно Клапрота, то все же его трудъ не былъ, вопреки его увѣреніямъ, самостоятеленъ.

1) Вотъ что объ этомъ гр. Головкинѣ сообщаетъ кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга², I, 163—164, № 21: «Гр. Юрій Александровичъ, оберъ-церем., назначенный посломъ въ Китай (1805), посланникомъ въ Вѣнѣ (1819—1822), кав. св. Андрея, оберъ-камергеръ, род. въ Лозаннѣ 4 дек. 1762, † 21 янв. 1846». Даты службы гр. Ю. А. Головкина посланникомъ въ Вѣнѣ не соотвѣтствуютъ его титулу въ «Verzeichniss der Herrn Mitarbeiter» изданія «Fundgruben» (I, 465): «Herr Graf v. Golowkin, vormahliger russisch. kaiserlicher Bothschafter». Документальныя данныя «О посольствѣ въ Китай графа Головкина» сообщены г. В. Н. Баснинымъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», 1875, книга IV, «Смѣсь», стр 1—103.

2) Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, I, 630, 631.

Г. Соболевскій въ рецензіи на книгу г. Булича не согласился съ мнѣніемъ, по которому авторомъ «Etymologies» былъ русскій. «Искаженіе русскихъ словъ», говоритъ онъ, «здѣсь такъ сильно, что о русскомъ происхожденіи этой статьи не можетъ быть рѣчи»[1]). Г. Буличъ на это возразилъ[2]): «На дѣлѣ это искаженіе совсѣмъ не такъ ужъ велико, какъ это кажется А. И. С—му, и, за вычетомъ одной несомнѣнной опечатки (*bruori* вм. *browi*), легко можетъ быть объяснено частью, какъ результатъ передачи русскихъ словъ нѣмецкимъ (или латинскимъ, точно теперь не помню) алфавитомъ, сдѣланной, быть можетъ, нѣмцемъ издателемъ даже безъ вѣдома автора, частью отсутствіемъ авторской корректуры—источникомъ великихъ искаженій нерѣдко и въ наши дни».

Въ 1906 г. г. Францевъ, указывая[3]) на замѣчаніе г. Соболевскаго, сдѣлалъ предположеніе, что «Etymologies» могли принадлежать «или спутнику Головкина гр. Яну Потоцкому, всегда интересовавшемуся востокомъ, или Клапроту. Онъ принималъ участіе въ Fundgruben, а съ Потоцкимъ связывала его тѣсная дружба. Изъ Fundgruben, I, 458, мы узнаемъ, что Потоцкій былъ въ числѣ лицъ, давшихъ ученые запросы v. Högelmüller'у въ его путешествіи на востокъ».

Кому же на самомъ дѣлѣ принадлежитъ загадочная статья? Въ печати существуетъ прямое указаніе на автора ея, не замѣченное никѣмъ изъ высказывавшихся по данному вопросу; въ цитированномъ уже библіографическомъ трудѣ Аделунга при заглавіи «Etymologies» etc. прибавлено[4]): «(Von dem Grafen Theodor Golowkin)». Если повѣрить этому указанію, то авторомъ «Etymologies» придется признать гр. Ѳеодора Гавриловича Головкина (1766—1823 г.)[5]). Онъ былъ нечуждъ лите-

---

1) Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1905 г., № 2, стр. 320.

2) Къ исторіи языкознанія въ Россіи. Отвѣтъ академику А. И. Соболевскому. Спб., 1905, стр. 22.

3) Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст., Прага Чешская, 1906, стр. 165¹. Слова г. Мурка переданы здѣсь неточно.

4) Въ изданіи 1830 г. стр. 67, въ изд. 1837 г. стр. 79.

5) S. Bonnet, Introduction historique къ изданію «Conte Fédor Golovkine. La cour et le règne de Paul I-er. Portraits, souvenirs et anecdotes», Paris, 1905, pages 66 et 92. По словамъ Н. К. Шильдера, Головкинъ «послѣ нѣкотораго пребыванія при дворѣ Павла Петровича» «отправился путешествовать по Европѣ; онъ поселялся поочередно во Франціи, Флоренціи, Вѣнѣ, Берлинѣ,

ратуры, писалъ на французскомъ языкѣ, но характеръ обнародованныхъ имъ произведеній [1]) не даетъ повода приписать ему статью лингвистическаго содержанія. Казалось бы, что Аделунгъ, вращавшійся въ высшихъ сферахъ Петербурга, могъ быть хорошо освѣдомленъ относительно нашихъ крупныхъ дипломатовъ, и потому его сообщеніе объ авторствѣ гр. Ѳ. Г. Головкина не должно бы было возбуждать сомнѣній; однако въ другомъ мѣстѣ своего труда онъ ставитъ [2]) слова «(Von dem Grafen *Golowkin*)» при заглавіи (анонимной) книги «Observations sur la ressemblance frappante que l'on découvre entre la langue des Russes et celle des Romains. Milan. 1817», написанной, какъ достовѣрно извѣстно [3]), Jos. Hager'омъ (1757—1819). Тѣмъ не менѣе, указаніе Аделунга на гр. *Ѳеодора* Головкина (а не просто «графа Головкина», какъ у Михановича), какъ на автора «Etymologies» etc., заслуживаетъ полнаго вни-

---

лишь изрѣдка, подобно «быстро меркнущему метеору», появляясь въ Петербургѣ». Русская Старина 1896, № 11, стр. 368, въ статьѣ: «Двѣ характеристики. (Изъ записокъ графа Ѳ. Г. Головкина)».

1) Ghennady, Gr. Les écrivains franco-russes. Bibliographie des ouvrages français publiés par des russes. Dresde, 1874, pages 26—27. Зная время рожденія гр. Ѳ. Г. Головкина, можно смѣло сказать, что книга «Mes idées sur l' éducation du séxe, ou précis d'un plan d'éducation pour ma fille», вышедшая въ *1778 г.*, ему не принадлежитъ; Геннади ссылается на Barbier, Dictionnaire des anonymes (II, 11869), но въ первомъ изданіи этого труда (II, № 4511) «Mes idées» etc. приписаны «Madame de Genlis» (1746—1830). Произведенія гр. Головкина мнѣ недоступны.

2) Bibliotheca Sanscrita, стр. 74. Впрочемъ здѣсь гр. Головкину приписана, можетъ быть, не вся книга, а только находящееся «In dem ersten Abschnitte» ея сравненіе санскрита съ латинскимъ языкомъ; но и такое указаніе совершенно несостоятельно, такъ какъ санскритъ во всей брошюрѣ упомянутъ нѣсколько разъ только вскользь, причемъ въ первый разъ это сдѣлано уже въ «Chapitre III» (стр. 20). «Fundgruben» въ «Observations» не цитируются вовсе.

3) Источники для исторіи славянской филологіи, I, 440, № 114; ср. Nouvelle biographie générale... publiée par mm. Firmin Didot frères, XXIII, 97; M. de Manne, Nouveau recueil d'ouvrages anonymes et pseudonymes, Paris, 1834, page 311, № 1344; Quérard, J.-M., La France littéraire, IV, 9a. Въ «Observations», etc., 42*, анонимный авторъ упоминаетъ «...notre *Essai de Numismatique Chinoise»* Paris 1805»—а въ цитированныхъ біографіяхъ Гагера у Дидо и Кэрара въ числѣ его сочиненій значится: «Description des médailles chinoises du cabinet impérial de France, précédée d'un Essai de numismatique chinoise»..., Paris, 1805. Анонимъ Гагера былъ повидимому впервые раскрытъ П. Соларичемъ въ брошюрѣ Римлѧни славенствовавшіи, ѹ бѹдимѹ, аѡи, стр. 22.

манія; если мы и не имѣемъ никакихъ внѣшнихъ доказательствъ такого авторства, то свидѣтельство перечня сотрудниковъ «Fundgruben» etc. показываетъ, что гр. Головкинъ *могъ* быть авторомъ подобной статьи, разъ онъ что либо помѣстилъ или по крайней мѣрѣ обѣщалъ помѣстить въ «Fundgruben» [1]). Хотя при фамиліи его въ этомъ спискѣ и нѣтъ инипіаловъ, но данное указаніе должно относиться несомнѣнно къ этому носителю фамиліи графовъ Головкиныхъ; гр. Ѳеодоръ Гавриловичъ былъ именно отставнымъ посланникомъ—при какомъ именно дворѣ, въ «Fundgruben» не указано, но мы знаемъ, что при неаполитанскомъ, въ правленіе тамъ королевы Каролины, дочери Маріи Терезіи. Въ вѣнскихъ кругахъ онъ долженъ былъ быть извѣстенъ, такъ какъ прожилъ нѣсколько времени въ дунайской столицѣ, направляясь въ 1794 г. въ Неаполь, къ мѣсту своего новаго служенія [2]). Возраженіе г. Соболевскаго теряетъ свою силу не только по причинамъ, уже указаннымъ въ антикритикѣ г. Булича, но и потому, что гр. Ѳ. Г. Головкинъ былъ русскимъ только по фамиліи; онъ происходилъ изъ заграничной линіи графовъ Головкиныхъ и родился въ Голландіи отъ брака голландки съ человѣкомъ смѣшанной національности, графомъ Габріэлемъ-Маріей-Эрнестомъ Головкинымъ, который началъ свою службу въ швейцарской гвардіи французскаго короля, а впослѣдствіи занималъ высокій постъ въ Голландіи [3]). По словамъ самого гр. Ѳ. Г. Головкина [4]), онъ не зналъ русскаго языка,

---

1) Кстати напомню, что этотъ сборникъ издавался Ржевускимъ, а гр. Ѳ. Г. Головкинъ еще во времена Екатерины II хлопоталъ по дѣлу кн. Любомирскаго, женатаго на одной изъ носительницъ этой магнатской фамиліи (La cour et le règne de Paul I-er, p. 228). Впослѣдствіи этотъ кн. Любомирскій сдѣлался даже дальнимъ родственникомъ гр. Головкина (ib., 227[1]).

2) Bonnet, o. c., 79—80. Ср. разсказъ самого гр. Ѳ. Г. Головкина «A Vienne (1794)»—ibid., 249—251.

3) Bonnet, o. c., 66.

4) Ср. напр. въ очеркѣ «Alexis Orlov» (ibid., 200): «Comme je parle l'allemand, il [гр. Ал. Орловъ] causait plus avec moi qu'avec les autres, parce qu'il ne voulait pas avoir l'air de ne savoir que le russe, au milieu d'un cercle où l'on ne parlait que français et, comme je passais pour être fort en faveur et que *je ne parlais pas le russe* [Курсивъ мой. *Н. П.*], il n'avait que cette manière de me montrer quelque attention». Въ разсказѣ гр. Головкина о дѣлѣ кн. Любомирскаго, добивавшагося въ Россіи отъ наслѣдниковъ Потемкина уплаты долга, есть такая его фраза (ibid., 231): «Je ne connais.... ni les lois, ni la langue»... По дѣлу кн. Любомирскаго

по крайней мѣрѣ во времена Екатерины II. Съ другой стороны, пребываніе въ Петербургѣ въ царствованіе этой императрицы, а потомъ и ея сына, а можетъ быть и женитьба на русской [1]) могли содѣйствовать нѣкоторому, хотя бы и не глубокому, ознакомленію графа съ русскимъ языкомъ. Въ виду всего этого указаніе Аделунга на принадлежность статьи «Etymologies» etc. можетъ считаться почти достовѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятнымъ.

Н. Петровскій.

Казань,
мартъ 1916 года.

гр. Головкинъ составилъ особую записку, о которой сообщаетъ (ib., 235): «Mon mémoire était sur deux colonnes, l'une en français portant ma signature, l'autre en russe qui était la traduction de la première et que je n'eus garde de signer, de crainte que, ne pouvant s'attaquer au fond, on ne s'accrochât à la lettre»... Цитируемыя записки гр. Головкина, вмѣстѣ со вступительной статьей и примѣчаніями г. Bonnet, существуютъ и въ русскомъ переводѣ, составляющемъ XVIII томъ «Исторической Библіотеки Сфинкса» и озаглавленномъ: «Федоръ Головкинъ. Дворъ и царствованіе Павла I. Портреты, воспоминанія и анекдоты. Предисловіе и примѣчанія С. Боннэ. Переводъ съ французскаго А. Кукеля. Книгоиздательство «Сфинксъ». Москва. 1912». Изданіе выполнено крайне небрежно; не указано даже заглавіе книги, послужившей для него оригиналомъ; корректура неудовлетворительна, а о качествахъ перевода можно судить по слѣдующимъ образцамъ: «La surprise de Son Excellence fut grande lorsqu'on m'annonça» (стр. 289) передано: «Сюрпризъ Его Превосходительства, когда ему доложили обо мнѣ, былъ великъ» (стр. 308); терминъ «l'usurpateur» (стр. 291), которымъ гр. Головкинъ характеризуетъ Наполеона, переведенъ словомъ «самозванецъ» (стр. 310); волшебница Армида превратилась (стр. 451) въ мужчину Армида, потому что французская форма ея имени—Armide (стр. 427)—не давала переводчику указаній на полъ этого лица; фраза: «les trouvères sont de ce pays» (стр. 397) передана: «Труворы происходятъ отсюда» (стр. 419), и т. п..

1) Въ 1790 г. гр. Ѳ. Г. Головкинъ женился на Натальѣ Петровнѣ Измайловой (ср. въ книгѣ «La cour et le règne de Paul I-er» «Table IV. La famille des comtes Golovkine»).

